

как один из стимулов теоретического развития Канта//Кантовский сборник: Сб. науч. тр./Калинингр. ун-т. Калининград, 1985. Вып. 10. С. 40—51.

²¹ См.: Baumgarten A. Aesthetica. Halle, 1750—1758, § 435, 450, 464, 496. В § 603 по изд. Hildesheim, 1961 мы читаем: «...моральная истина в получении есть самое важное, к чему в отношении вероятности поэтического материала следует стремиться».

²² Впрочем, переосмыслил эти значения еще Т. Гоббс в § 3 главы XXV четвертого раздела сочинения «О теле» (см.: Гоббс Т. Избранные произведения: В 2-х т. М., 1964. Т. 1. С. 187).

²³ Столович Л. Н. Тартуская рукопись Канта//Кантовский сборник: Сб. науч. тр./Калинингр. ун-т. Калининград, 1985. Вып. 10. С. 117.

КАНТ И ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЛОГИКИ ФРЕГЕ *

Л. Хаапаранта
(Академия наук Финляндии)

Программа Фреге

Современная логика родилась в 1879 г., когда вышла в свет 88-страничная брошюра Фреге «Begriffsschrift». Конечно, многие философы прошлых веков, например, Лейбниц, высказывали мысли, предвосхищавшие современную логику, а некоторые математики и философы, такие как Буль и Пирс, в XIX в. разработали новые концепции логики. Тем не менее создается впечатление, что фрегевская «запись в понятиях» возникает почти из полной темноты. В ней вводится громадное число логических новшеств, важность которых для логики XX в. невозможно переоценить. Наиболее значительный сдвиг был вызван его теорией квантификации и способом анализа предложений по схеме «аргумент-функтор», которым Фреге заменил традиционный грамматический способ анализа по схеме «субъект-предикат», использовавшийся в традиционной аристотелевской логике.

Хорошо известно, что главной целью работ Фреге по логике и основаниям математики было проведение в жизнь логицистской программы, т. е. сведение арифметических истин к логическим. Успех этой программы зависел от возможности определить все арифметические понятия с помощью логических и доказать, что арифметические истины выводимы посредством логической дедукции из аксиом логики и определений основных понятий арифметики. Как известно, логицистская программа Фреге потерпела провал, вызванный парадоксом, впервые замеченным Берtrandом Расселом.

Для логической дедукции арифметических истин Фреге пришлось явно сформулировать правила логического вывода. На этом основании философы пытались рассматривать его «запись в понятиях» *только* как попытку формулировки этих правил¹.

* Статья написана для «Кантовского сборника». — Пер.

Однако сам Фреге настаивал на двойственной роли своей логики. С одной стороны, он хотел развить идею лейбнического *calculus ratiocinator*, т. е. правил логического вывода, а с другой стороны, считал себя изобретателем правильного языка, лейбнического *lingua universalis*, как он его называл; языка, который был бы свободен от двусмысленностей естественного языка и на котором можно было бы говорить обо всем существующем². В философских дискуссиях XX в. «запись в понятиях» Фреге по преимуществу интерпретировалась как семантическое представление естественного языка. Хотя он признавал, что в задачи философов входит устранение двусмысленностей в естественном языке, но не верил в то, что этого можно достичь за счет создания новой грамматики естественного языка, основывающейся на изучении самого этого языка (см., например, BS, «Предисловие», и NS, с. 74—75, 289). Вместо этого он хотел сформулировать совершенно новый символизм, который строго соответствовал бы структуре мышления и мира и, тем самым, показал бы неадекватность естественного языка. Фреге пишет: «Исследование языка и определение содержания языковых выражений не могут быть задачей логики. Желаящие научиться логике из языка подобны тем, кто захотел бы учиться мышлению у ребенка» (BS, с. 67—68).

Философские ориентиры Фреге

Ганс Слуга отстаивает взгляд, согласно которому Фреге, по видимому, принял призыв Адольфа Тренделенбурга к построению *lingua characteristic*, в котором сочетались бы лейбниевские и кантовские идеи³. Однако приписывание Фреге таких намерений нуждается в документальном обосновании. И Слуга, и Габриэль⁴ приводят множество свидетельств в пользу того, что Фреге находился под влиянием Канта и даже неокантианства его времени. В этом разделе я попытаюсь рассмотреть те философские стимулы, которые оказывали влияние на Фреге в конце XIX в.

Влияние на Фреге идей Канта и Лейбница легко подтверждается документально. Он одобрительно ссылается на многие работы Лейбница и даже включает панегирик ему в свою статью «*Booles rechnende Logik und die Begriffsschrift*» (NS, с. 9). Столь же часто он опирается на работы Канта и даже рассматривает свой логицизм как незначительную поправку к Кантовой философии математики (GLA, § 89).

Предисловие к «*Begriffsschrift*» содержит одну в высшей степени интересную ссылку на статью Адольфа Тренделенбурга об универсальном языке Лейбница, которая помогает нам проследить источники «записи в понятиях». В той самой статье, которая, как предполагают, вдохновляла Фреге, когда он писал свою «*Begriffsschrift*», Тренделенбург призывает филосо-

фов строить лейбницевский универсальный язык на основании кантовских идей. Тренделенбург обвиняет философов в том, что они проглядели идею универсального языка, которую предложил Лейбниц, но не разработал в деталях. Он считает, что Кант продолжил работу Лейбница, разделив материю и форму, т. е. эмпирический и концептуальный компоненты мышления, и на этой основе пытался продвинуться в познании форм, определяющих наше мышление. Тем самым он пробивал путь к конструированию универсальной характеристики, которая была бы ограничена формальной стороной мышления, т. е. его концептуальным компонентом. Тренделенбург считает, что работа Канта по развитию лейбницевского универсального языка нешла продолжения, за исключением, может быть, Людвига Бенедикта Треде, известного юриста, который в 1811 г. написал маленькое эссе «Vorschläge zu einer notwendigen Sprachlehre». Тренделенбург сообщает, что Треде пытался использовать логику Канта при построении универсальной характеристики. В проекте Треде, замечает Тренделенбург, формы наших представлений выводятся из «форм чистой интуиции пространства и времени» и обозначаются буквами и словами. Так Треде строит обозначения для форм представлений (eine Schrift der Vorstellungsformen)⁵.

Даже если Фреге не читал «Vorschläge...» Треде, он определенно знал описание его программы, данное Тренделенбургом⁶. Даже его термин «Begriffsschrift» встречается в статье Тренделенбурга⁷ как синоним «универсального языка». Интересно, что Фреге остановился на использовании термина «Begriffsschrift», хотя сам считал его не совсем удачным, поскольку единицей анализа для него были не понятия, а суждения. Фреге также говорит, что в этом отношении его «запись в понятиях» отличается от подобных конструкций Лейбница и его последователей (NS, с. 273). Весьма вероятно, что он не сам выбрал этот неудовлетворительный, по его собственному признанию, термин, а позаимствовал из статьи Тренделенбурга. Эта терминологическая связь между Фреге и Тренделенбургом была замечена также Генрихом Шольцем, который в 30—40-х годах готовил к изданию «Nachlass» Фреге⁸.

Для философа представляет значительный интерес, каким образом рождалось самое главное логическое новшество Фреге — его «запись в понятиях». Особенно важно обнаружить философские идеи, направлявшие Фреге при построении первопорядковой логики, которую сам он считал базисной. Мы проведем философскую реконструкцию фрегевской «записи в понятиях», т. е. попытаемся обнаружить, каким образом и в какой степени «Begriffsschrift» кодифицирует то, как Лейбниц понимал соотношение языка и реальности, и что Кант сообщал

о человеческом познании и формах мышления. Настоящая статья представляет собой попытку раскрыть следы Кантовой философии во фрегевской «записи в понятиях»⁹.

Философская реконструкция «Begriffsschrift»

Предварительные замечания. Фрегевский первопорядковый язык говорит об объектах, размещая их в разнообразных конфигурациях, образовываемых именами функций. Это различие объектов и понятий, или, в более общем плане, объектов и функций, составляет существенную часть замысла первопорядкового языка. Оно появляется уже в «Begriffsschrift» в форме различия между аргументами и функциями. Оно также упоминается в небольшой статье Фреге, озаглавленной «Booles rechnende Logik und die Begriffsschrift» (1880—1881, NS, с. 19—20). Более подробно это различие рассматривается в статье «Über Begriff und Gegenstand» (1892). Необходимость его подчеркивается и в GLA, с. X, и BGGGA I, с. X, XIV (см. также KS, с. 233, 270). Различение понятий первого и более высоких порядков также является одним из главных новшеств Фреге, но в генетическом отношении оно вторично по сравнению с фрегевской парадигмой первопорядкового языка. Сам Фреге считал, что его способ построения первопорядкового языка, т. е. противопоставление объектов и функций, вводит и различие между первопорядковыми и второпорядковыми функциями (GGGA I, с. X).

В GLA Фреге цитирует терминологию Кантовой «Логики», согласно которой созерцание есть представление индивида, а понятие — общее или отраженное представление¹⁰. По Канту, созерцание непосредственно относится к объекту, а этот объект представляет собой некоторый индивид, тогда как понятие обозначает объект опосредствованно с помощью признаков, которые могут принадлежать одновременно нескольким объектам (3,354). Понятия являются предикатами возможных суждений. Созерцания, являющиеся представлениями индивидов, по Канту, оказываются либо образами, вызываемыми объектами (созерцания a posteriori типа образа стола), либо индивидами, которые мы сами создали a priori и которые представляются математическими понятиями (созерцания a priori типа параллелограмма).

В примечании к § 27 GLA Фреге связывает свое различение объектов и понятий с Кантовым различием двух видов *Vorstellungen* (представлений. — *Пер.*) — созерцаниями и понятиями, хотя в других случаях он стремится минимизировать роль созерцаний в философии математики и также запрещает делать какие-либо ссылки на интуицию, когда мы говорим о

Bedeutungen (предметных значениях. — *Пер.*) наших слов (GLA, с. X; KS, с. 181—182). Фреге подчеркивает, что для него объекты и понятия являются объективными представлениями (*objective Vorstellungen*). Но вместе с тем, в отличие от Канта, он пытается избежать двусмысленности и в дальнейшем использует слово *Vorstellung* только в субъективном смысле. Следовательно, согласно принимаемой Фреге терминологии, объекты и понятия не являются *Vorstellungen*¹¹.

В целом Фреге считал, что его философию математики можно рассматривать как исправление кантовской ошибки, которая заключалась в признании арифметических истин синтетическими а priori. По-видимому, только его логицистская программа не позволила Фреге целиком принять Кантову философию математики. В течение всей своей научной карьеры Фреге остается приверженцем Кантовой концепции синтетического априорного характера геометрии. Он начинает свою докторскую диссертацию «*Über eine geometrische Darstellung der imaginären Gebilde in der Ebene*» с утверждения о том, что геометрия основывается на аксиомах, достоверность которых вытекает из природы нашей способности к созерцаниям, и, далее, объясняет те случаи, которые на первый взгляд противоречат этой доктрине (KS, с. 1—3). Эта концепция геометрии встречается и в GLA, и во всех других его публикациях, посвященных природе математики. Позже, когда Фреге убедился в безуспешности попыток свести арифметические истины к логическим, он возвращается к кантовскому воззрению даже в своей концепции арифметики. В его последних работах 1924 и 1925 гг. Фреге различает три основных источника познания: логический и геометрический, или пространственный, чувственное восприятие, а вдобавок причисляет еще и временной (NS, с. 286). Для начала он предполагает, что временной источник познания является не менее фундаментальным, чем пространственный (NS, с. 294). Однако затем он пытается показать, что основанием арифметики является геометрия, и признает в качестве основных источников чувственное восприятие, геометрический и логический источники познания (NS, с. 298). Даже отказавшись от идеи сведения арифметики к логике, Фреге тем не менее твердо придерживался своего прежнего взгляда, согласно которому арифметика не связана с чувственным опытом (NS, с. 298).

Использование понятия созерцания в геометрии приносило Фреге массу неприятностей. Приведем выдержку из GLA, где Фреге рассуждает следующим образом: «Пространство, согласно Канту, принадлежит миру явлений. Для других разумных существ оно может принимать формы, совершенно отличные от той формы, которую знаем мы. Действительно, мы не можем даже быть уверены, одинаково ли оно для разных людей, поскольку для того, чтобы решить этот вопрос, мы не

можем сопоставить интуиции пространства разных людей. И все же в нем есть нечто объективное. Так, каждый признает одни и те же геометрические аксиомы, даже если это проявляется только в его поведении. Он должен делать это хотя бы для того, чтобы ориентироваться в мире. К объективному принадлежит то, что управляется законами, то, что может быть понято и оценено, то, что выразимо в словах. Чисто интуитивное нельзя высказать другому» (GLA, § 26). Здесь Фреге выдвигает тезис более радикальный, чем кантовский, так как Кант предполагает лишь, что мы не способны решить, обладают ли другие мыслящие существа теми же формами созерцания, что и мы (3, 134). Кант считает, что наш способ восприятия объектов специфичен для нас, даже если он не принадлежит по необходимости каждому человеку (3, 152—153). В то же время Фреге, по всей видимости, считает, что геометрические истины объективны, потому что они не связаны с особенностями нашей интуиции¹². Таким образом, мы можем заключить, что Фреге не возлагал особых надежд на интуицию даже в своей философии геометрии. Следовательно, существует значительное расхождение между исследованиями Фреге по геометрии и его взглядами на природу геометрии. Фреге объявляет себя сторонником доктрины, согласно которой геометрическое знание проистекает из нашей интуиции, и заботится о последовательном проведении этого взгляда в своих геометрических исследованиях. В то же самое время он подчеркивает важность в геометрии концептуальных систем за счет пренебрежения интуицией.

Теория познания Фреге. В этом разделе мы попытаемся выяснить существенное сходство и различие во мнениях между Кантом и Фреге. Для этого мы кратко опишем их эпистемологии, не входя, однако, в детали интерпретации теории познания Канта. В теории Канта вещи в себе, которые расположены за пределами наших познавательных способностей, причиняют ощущения (*Empfindungen*). Ощущения структурируются с помощью форм созерцания (*Anschauung*), т. е. пространства и времени, которые принадлежат к априорным условиям всего человеческого познания. Этот процесс создает созерцания (*Anschauungen*), которые являются единичными представлениями (*einzelne Vorstellungen*) объектов. Наши способности также позволяют нам абстрагировать эмпирические понятия от этих созерцаний, обособляя признаки, которые обуславливают различие данных представлений. Мы также можем формировать новые понятия, сочетая понятия, которые мы абстрагировали ранее. Для Канта понятия бывают либо эмпирическими, либо чистыми (*vel empiricas vel intellectualis*). Чистое понятие не может быть извлечено из опыта, оно происходит из нашего рассудка. Понятия даются нам (*a priori* или *a posteriori*) или создаются нами¹³.

Ощущение, по Канту, представляет собой восприятие (Perception), которое относится исключительно к субъекту как модификация его состояния. Знание (Erkenntnis) представляет собой объективное восприятие, являющееся либо созерцанием, либо понятием (3, 354). Это различие двух типов восприятия, вероятно, послужило образцом фрегевского различения между субъективными и объективными представлениями, хотя Фреге считает, что Канту не удалось избежать смещения субъективных ощущений и объективных представлений.

Согласно Канту, созерцания интерпретируются с помощью категорий, или чистых понятий рассудка. Таким образом создаются объекты опыта (Objecte der Erfahrung). Кант считает, что созерцание подводится под некоторое понятие, которое определяет форму суждения и придает суждению общезначимость (4 (1), 119). Для Канта каждое суждение содержит понятие, т. е. представление более высокого порядка, применяемое сразу ко многим представлениям; среди них находится и данное представление, непосредственно относящееся к предмету (3, 167). Эти представления более высокого порядка используются при познании данного объекта (там же). Кант утверждает, что мы сумеем показать объективную значимость этих категорий, только если докажем, что объекты могут мыслиться исключительно при посредстве категорий. Он предполагает, что существует некоторое соответствие между чистыми понятиями рассудка и типами суждений, позволяющее формам суждений порождать категории, которые имеют эмпирическое и только эмпирическое применение (3, 303).

Таким образом, Кант различает два элемента, составляющих опыт: созерцания, принадлежащие к чувственности, и суждения, порождаемые исключительно рассудком (4 (1), 122): «Дело чувств — созерцать, дело рассудка — мыслить» (4 (1), 123). Кант пишет: «...существует два основных ствола человеческого познания, вырастающие, быть может, из одного общего, но неизвестного нам корня, а именно, *чувственность* и *рассудок*. Посредством чувственности предметы *даются*, рассудком же они *мыслятся*» (3, 123—124). Чистые понятия рассудка определяют логические формы суждений по отношению к данным созерцаниям. Пространство, время и категории рассудка значимы для объектов опыта (которые Кант также называет явлениями), потому что они уже заключены в этих объектах. Даже когда Кант утверждает, что объекты могут являться нам, не будучи связаны с чистыми понятиями рассудка, эти понятия необходимо относятся к объектам опыта, поскольку без них ни один объект опыта немислим (3, 214).

Эпистемологию Фреге логицистского периода можно охарактеризовать как упрощенный вариант кантовских воззрений. Следуя Канту, Фреге, похоже, постулирует вещи в себе как объекты, которые воздействуют на наши чувства, т. е. объек-

ты, которые причиняют ощущения (Empfindungen). Иногда вместо ощущений Фреге может говорить о созерцаниях (Anschauungen) и включать их в Vorstellungen, которые он считает субъективными представлениями объектов в наших умах (GLA, § 89; KS, с. 351). Фреге располагает ощущения и созерцания на одном уровне, поскольку он не признает никаких форм созерцания. Представления объектов интерпретируются с помощью чистых понятий, которые служат для связи эмпирических понятий и созерцаний и выражаются посредством логического словаря в языке Фреге. Результатом этого процесса является суждение, которое становится отправным пунктом предпринимаемого Фреге анализа. Фреге замечает: «Фактически, самое важное различие между моим способом мышления (Auffassungsweise) и способом мышления Буля, — а на самом деле я мог бы добавить сюда — и Аристотеля, — заключается в том, что я исхожу не из понятий, а из суждений» (BS, с. 101). Объекты, таким образом, представляются с помощью созерцаний и познаются посредством понятий. Фреге пишет: «Для меня объективно то, что независимо от нашего ощущения, созерцания и всякого построения умственных образов прежних ощущений в нашей памяти, но не обязательно независимо от разума, ибо существуют ли вообще вещи, независимые от разума. Это было бы равносильно тому, если бы мы хотели судить без суждения или мыть без воды» (GLA, § 26). Конечно, субъективные представления, по Фреге, необходимы для восприятия объектов внешнего мира. Однако в восприятии имеется и объективное — то, что подчиняется законам, то, что может быть разумно понято и стать объектом суждения (GLA, § 26). Фреге считает, что мы не можем воспринять ни один объект без посредства некоторого понятийного компонента, который он называет смыслом (Sinn). В «Einleitung in die Logik» Фреге пишет: «Но мы не можем сказать, что объект является частью мысли, как, например, собственное имя является частью предложения..., мы можем только сказать, что данному объекту соответствует нечто такое, что должно рассматриваться как часть мысли» (NS, с. 203—204; PW, с. 187). В «Ausführungen über Sinn und Bedeutung» он замечает: «Таким образом, через смысл и только через смысл собственное имя соотносится с объектом» (NS, с. 135; PW, с. 124). Однако для Фреге не существует чистых, или априорных, созерцаний, ведь такие созерцания должны были бы состоять исключительно из форм чувственности, а Фреге отрицает их существование (ср.: 4 (1), 98). Фреге считает пространство и время столь же субъективными, как и любые другие содержания созерцания.

Кант обеспечивает математическому знанию объективность с помощью трансцендентальных форм созерцания. Поскольку Фреге устраняет их, он должен найти другой способ обеспечения общезначимости математического знания. Фреге, вслед за

Кантом, считает, что именно понятия обеспечивают объективность нашего познания чувственных объектов, и распространяет это положение на область арифметических и геометрических объектов. Для Фреге нет никакой формы созерцания, которая имела бы имя «время», а если и существует форма созерцания по названию «пространство», то это, по крайней мере, не имеет отношения к рассматриваемому вопросу. В геометрии основанием объективности геометрического знания являются ее аксиомы. Арифметика, в свою очередь, основывается на логических законах.

Таким образом, Фреге придает понятиям еще большее значение, нежели Кант, поскольку отказывается от чистых созерцаний. Фреге также отказывается от идеи, согласно которой понятия являются только списками признаков (GLA, § 88). Это в особенности относится к понятию арифметической истины, и именно благодаря такой трактовке понятия эта истина может рассматриваться как информативная, несмотря на ее аналитический характер.

В своей концепции арифметики Фреге объединяет два тезиса: во-первых, числа являются объектами, а именно, объектами разума, и, во-вторых, арифметические истины являются аналитическими, т. е. могут быть выведены из общих логических законов и определений. Для Канта такие мыслимые сущности, или чистые предметы рассудка, были бы вещами в себе, которые мы не можем познать (4 (1), 153—154). Кант говорит, что если мы отделим рассудок от чувственности, для того чтобы получить чистый рассудок, не останется ничего, кроме чистой формы мышления, лишенной созерцания, а с помощью чистых форм мышления мы не можем познать ни одного объекта (4 (1), 134—135). Фреге смотрит на дело по-иному. Он постулирует объекты мышления, которые доступны только нашему разуму. Только в своих последних работах 1924 и 1925 гг. он отказывается от идеи, согласно которой логический источник познания может давать нам идеи без содействия чувственного восприятия (NS, с. 299). Тем самым он возвращается к концепции Канта в том самом пункте, в котором он прежде наиболее резко расходился с мыслью своего философского наставника.

Следовательно, согласно Фреге, в случае арифметических объектов наш разум может выходить за свои границы. Но тогда объекты мышления становятся собственными объектами нашего познания, что резко расходится со взглядами Канта. По Канту, рассудок, вбирая в себя явления, допускает существование вещей в себе, но мы не можем знать ничего определенного об их чистых объектах рассудка, потому что и чистые понятия рассудка, и его чистые созерцания относятся только к явлениям. Однако Кант замечает, что рассудок стремится выйти за свои пределы и «пристраивает к зданию опыта гораз-

до более обширное помещение, которое он наполняет одними лишь умопостигаемыми сущностями, не замечая даже, что он своими вообще-то правильными понятиями вышел за пределы их применения» (4 (1), 135—136).

Трансцендентальная логика и «Begriffsschrift». Главная характеристика первопорядкового языка Фреге — различие между, с одной стороны, понятиями и другими функциями, которые являются *ungesättigt*, т. е. ненасыщенными или неполными, и, с другой — объектами, которые доступны нам только посредством функций (KS, с. 134—135, 177—178; NS, с. 130, GGA I, § 26). Ход мышления Фреге, таким образом, очень близок к Кантовой теории, согласно которой созерцания без понятий слепы, понятия без созерцаний пусты, а рассудок может пользоваться понятиями только в акте суждения (3, 167). Вероятно, именно кантианская ориентация такого рода заставила Фреге отказаться от этого способа грамматического анализа предложений (на субъект, связку и предикат.— *Пер.*), который был принят в логике его немецких предшественников, и выделила его среди отцов — основателей современной логики меньшего масштаба. Фрегевская «запись в понятиях» в точности является «eine anschauliche Darstellung der Denkformen» (созерцательное изображение форм мышления.— *Пер.*), которое представляет и чистые, и эмпирические понятия. Заметим, что созерцания не играют никакой роли во фрегевской реконструкции воззрений Канта на человеческое мышление¹⁴.

Представляя чистые понятия в своем формульном языке, Фреге не полностью следует Кантовой таблице категорий, напминающей нам аристотелевский список категорий и в действительности являющейся модификацией последнего (3, 174—175). Главное сходство заключается в том, что, по Фреге, такие логические понятия, как «объект», «функция» (включая «понятие» и «отношение»), «общность», «отрицание», «обусловливание», «существование» и «тождество», проявляются только в форме предложений его языка точно так же, как Кантовы категории проявляются только в форме суждений. В терминологии Канта эти фрегевские понятия соответствуют общему, частному, единичному, утвердительному и отрицательному суждениям, а также категорическому, гипотетическому, дизъюнктивному и асерторическому. Вместе с тем Фреге, в отличие от Канта, не различает утвердительных и бесконечных суждений, а также исключает проблематические и аподиктические суждения из области логических исследований, поскольку он не считает возможность и необходимость логическими понятиями (BS, § 8). В письме к Гуссерлю в 1906 г. Фреге пишет, что классификация различных видов суждений, которой придерживались логики прошлого и еще продолжали сохранять современные ему логики, несущественна для логики. С его точки зрения, приверженность к такого рода классификациям гово-

рит о том, что мышление таких логиков слишком тесно связано с естественным языком и его грамматикой и даже с психологией. Фреге считает, что сам он преодолел консерватизм такого рода в «Begriffsschrift» (NS, с. 101). Однако, даже если мы согласимся, что Фреге, когда в действительности создавал свой язык, брал за образец, скорее, язык арифметики, чем Кантову таблицу категорий, тем не менее фундаментальное для его языка различие между объектами и понятиями, или, в более общем плане, между объектами и функциями, вытекает из его кантианской эпистемологии.

Кант рассматривает аристотелеву логику как завершенную систему, которая не нуждается в исправлениях, кроме, может быть, придания ей большей изящности. Что же касается ее достоверности, то он исключает всякую возможность прогресса и рассматривает любые попытки расширить область логики за счет включения в нее психологических, метафизических или антропологических соображений, шагом за пределы территории логики. Для него единственным занятием так называемой общей логики является формулирование и обоснование формальных правил всякого мышления (3, 82—83). В свете работ Фреге этот взгляд на логику представляется достаточно узким, поскольку он совершенно отделяет от логики программу построения универсального языка человеческого мышления и предполагает, что логика занимается только правилами вывода. Однако именно грандиозная программа построения универсального языка заставила Фреге вступить в конфликт с традиционной логикой и изменить способ грамматического анализа предложений.

Область, в которой работал Фреге, выходит за рамки кантовского понимания общей логики; ее, скорее, можно было бы назвать трансцендентальной логикой. Действительно, Кантово описание трансцендентальной аналитики полностью применимо к работе Фреге: «... часть трансцендентальной логики, излагающая начала чистого рассудочного знания, и принципы, без которых нельзя мыслить ни один предмет, есть трансцендентальная аналитика и вместе с тем логика истины» (3, 162). Кант считал свой труд только подготовкой для более широкой работы по программе трансцендентализма, которая развивала бы и аналитическое, и синтетическое знание a priori. Сам Кант занимался в основном трансцендентальной критикой, целью которой было только исправление нашего знания. Он главным образом ограничивался открытием и исследованием принципов априорного синтеза (3, 122). В терминологии Канта Фреге занимался, собственно, делом трансцендентальной философии в ее аналитической части. Фреге начинает с полных суждений и пытается обнаружить их основные компоненты и условия, при которых мысли, сообщаемые этими суждениями, истинны. В ходе этой процедуры Фреге приходит к своим первоначаль-

ным логическим функциям, для которых он изобретает символы в своем универсальном языке. В то время как Кант утверждает, что его критика является только подготовкой к органону (3, 121), Фреге считает, что его «запись в понятиях» есть некоторого рода «новый органон»¹⁵.

Трансцендентальная логика при исследовании представлений, называемых чистыми понятиями рассудка, не отвлекается от объектов, как это делается общей логикой. Кантова трансцендентальная логика, наоборот, устанавливает, что категории применяются к объектам a priori (3, 173—174). В этом отношении «запись в понятиях» Фреге чрезвычайно близка к идее трансцендентальной логики. Для Канта общая логика рассматривает только формы мышления и отвлекается от всякого содержания знания, тогда как трансцендентальная логика отвлекается только от тех видов знания, которые имеют эмпирическое содержание, но сохраняет содержание познания в том смысле, что она интересуется отношениями между знаниями и объектами (3, 159). Именно потому, что фрегевская логика отвлекается не от всякого содержания познания, а только от интуиции, она может служить реализацией программы, которая, по мнению Тренделенбурга, была предложена Лейбницем и продолжена Кантом.

Конечно, Фреге достаточно реалистически относился к лейбницевской идее универсальной характеристики, считал ее слишком претенциозной и говорил, что «энтузиазм, который охватывает ее создателя, когда он рассматривает, какой огромный подъем умственных сил человечества проистек бы из способа записи, соответствующего самим вещам, приводит его к недооценке тех трудностей, с которыми сталкивается подобное предприятие. «Однако, замечает Фреге, даже если мы не можем достигнуть этой цели сразу, мы имеем все основания для того, чтобы приближаться к ней шаг за шагом» (BS, с. XII).

¹ По поводу восприятия «Begriffsschrift» см., например, «Введение» Бинума к CN, с. 15—20. В тексте статьи мы будем ссылаться на следующие издания работ Фреге с указанием (в скобках) сокращенного наименования издания и страниц:

- Frege G. Grundgesetze der Arithmetik. Jena, 1893. Bd. I (GGA I).
- Frege G. Grundgesetze der Arithmetik. Jena, 1903. Bd. II (GGA II).
- Frege G. Begriffsschrift und andere Aufsätze. Hildesheim, 1964 (BS).
- Frege G. Logische Untersuchungen. Göttingen, 1966 (LU).
- Frege G. Kleine Schriften. Hildesheim, 1967 (KS).
- Frege G. The Foundations of Arithmetic/Die Grundlagen der Arithmetik. Oxford, 1968 (GLA).
- Frege G. Nachgelassene Schriften. Hamburg, 1969 (NS).
- Frege G. Conceptual Notation and Related Articles. Oxford, 1972 (CN).
- Frege G. Wissenschaftliche Briefwechsel. Hamburg, 1976 (BW).
- Frege G. Posthumous Writings. Oxford, 1979 (PW).
- Frege G. Philosophical and Mathematical Correspondence. Oxford, 1980 (PMC).

² См., например: BS. S. 98, KS. S. 227, 341. См. также: NS. S. 9—52. Лейбниц не использовал термина «lingua characteristica», встречающегося в работах Фреге. Гюнтер Патциг заметил, что этот термин встречается только в изданиях работ Лейбница, подготовленных Р. Распе (1795) и Ю. Эрдманом (1840). Патциг предполагает, что Фреге заимствовал этот термин из «Historische Beiträge zur Philosophie» Адольфа Тренделенбурга. См. прим. 8 к изд. LU под ред. Патцига, S. 10. Возможно, что Фреге заимствовал этот термин непосредственно из издания Эрдмана, на которое он ссылается в § 6 GLA. См. также прим. ред. в NS, S. 9—10.

Даже если большинство интерпретаторов Фреге и учитывали действительную природу его логики, они тем не менее не решались вывести следствие из своих наблюдений. По существу только Ян ван Хейенорт и Яакко Хинтиikka обращали специальное внимание на роль этой идеи в работах Фреге (см.: Van Heijenoort J. *Logic as Calculus and Logic as Language*.— *Synthese*, 1967. Vol. 17. P. 324—330; Его же. *Frege and Vagueness*//Haararanta L., Hintikka J. (eds.) *Frege Synthesized*. Dordrecht, 1985; Hintikka J. *Frege's Hidden Semantics*.— *Revue Internationale de Philosophie*, 1979. Vol. 33. P. 716—722; Его же. *Semantics: A Revolt Against Frege*//Flistad G. (ed.) *Contemporary Philosophy*, vol. 1. The Hague, 1981. P. 57—82.

³ См.: Trendelenburg A. *Historische Beiträge, zur Philosophie*. Berlin, 1867. Bd. 3; Schirn M. (ed.) *Studien on Frege I—III*. Stuttgart, 1976; Sluga H. *Gottlob Frege*. London, 1980.

⁴ См.: Sluga H. *Gottlob Frege...*; Его же. *Frege: the early years*//Rorty R. e. a. (eds.). *Philosophy in History: Essays on the historiography of Philosophy*. Cambridge, 1984. P. 329—356; Gabriel G. *Bedeutung, Value and Truth-Value*.— *The Philosophical Quarterly*, 1984. Vol. 34. P. 372—376; Его же. *Frege als Neukantianer Kant-Studien*, 1985.

⁵ См.: Trendelenburg A. *Op. cit.*

⁶ Слуга считает, что Фреге не читал книги Треде, но идея построения «необходимого языка» произвела на него впечатление (см.: Sluga H. *Gottlob Frege...* P. 51).

⁷ См.: Trendelenburg A. *Op. cit...* S. 4.

⁸ См. примечания Шольца к BS, S. 115. То же замечание делает Слуга (см.: Sluga H. *Gottlob Frege...* P. 342).

⁹ Более подробное обсуждение этого вопроса см.: Haararanta L. *Frege Doctrine of Being*.— *Acta Philosophica Fennica*, 1985. Vol. 39.

¹⁰ См.: GLA, § 12, а также Кант И. *Логика*//Кант И. *Трактаты и письма*. М., 1980. С. 395.

¹¹ Даммит также указывал, что Кантово различие между созерцаниями и понятиями соответствует фрегевскому различию между объектами и понятиями; см.: Dummet M. *Frege and Kant on Geometry*.— *Inquiry*, 1982. Vol. 25. P. 242; см. также: Bell D. *Frege's Theory of Judgement*. Oxford, 1979. P. 70—71.

¹² Ср.: Dummet M. *Op. cit...* P. 233.

¹³ Кант И. *Трактаты и письма...* С. 397.

¹⁴ Дэвид Белл в своей содержательной книге доказывает, что Фреге перевел трансцендентально-психологическое исследование Канта в семантико-онтологическое. Он также проводит параллель между Кантовыми понятиями созерцания и понятия и фрегевскими понятиями объекта и понятия. Хотя я не всегда согласна с Беллом в деталях, я солидаризуюсь с ним во всем, что касается анализа этого параллелизма (см.: Bell D. *Op. cit...* P. 70—71, а также Currie G. *Frege: An Introduction to His Philosophy*. Sussex, 1982. P. 98).

¹⁵ Верно, что Фреге весьма критически откликнулся на введение понятия трансцендентности. Однако его критика направлена не против самого Канта или ядра кантианской эпистемологии, а против неправильного использования логики с психологической ориентацией этого понятия, приводящего, по Фреге, к стиранию различий между субъективным и объективным (см.: GGA I. «Предисловие». S. XXII—XXIII).

Перевод с английского В. Н. Брюшинкина.